

Г.К. Уэллс

Павлов и Фрейд

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 159.9
ББК 88
Г11

Г11 Г.К. Уэллс
Павлов и Фрейд / Г.К. Уэллс – М.: Книга по Требованию, 2021. – 608 с.

ISBN 978-5-458-36945-9

В настоящей книге, являющейся первой частью работы "Павлов и Фрейд", мы попытаемся познакомить читателями с теми сторонами учения Ивана Петровича Павлова, которые связаны с психологией и психиатрией. Павлов основал новую науку - физиологию высшей нервной деятельности, предметом которой является в первую очередь исследование функций коры головного мозга как органа психической жизни. Эта наука пока еще недостаточно известна в Соединенных Штатах Америки и далее мы попытается её популяризовать. Эта новая наука еще находится в состоянии становления, но она дала уже достаточно фактов и основанных на них обобщений, которые убедительно свидетельствуют в её пользу. Представители школы Павлова борются за то, чтобы психология и психиатрия полностью основывались на эксперименте, а для этого они должны опираться на изучение физиологии мозга.

ISBN 978-5-458-36945-9

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

«Когда я думаю сейчас о Фрейде и о себе, — говорил И. П. Павлов, — мне представляются две партии горнорабочих, которые начали копать железнодорожный туннель в подошве большой горы — человеческой психики. Разница состоит, однако, в том, что Фрейд взял немного вниз и зарылся в дебрях бессознательного, а мы добрались уже до света... Изучая явления иррадиации и концентрации торможения в мозгу, мы по частям можем ныне проследить, где начался интересующий нас нервный процесс, куда он перешел, сколько времени там оставался и в какой срок вернулся к исходному пункту. А Фрейд может только с большим или меньшим блеском и интуицией гадать о внутренних состояниях человека. Он может, пожалуй, сам стать основателем новой религии...»¹.

В приведенном высказывании содержится научное кредо двух ученых, привлекающих в наше время внимание людей всего мира, — И. П. Павлова и З. Фрейда. В нем выражены два диаметрально противоположных мировоззрения и два совершенно различных способа научного исследования. Этой теме — взаимоотношению

¹ Запись Ю. П. Фролова, сообщенная в книге С. Д. Камиńskiego «Динамические нарушения деятельности коры головного мозга», М., 1948, стр. 195—196.

духа и материи, мышления и природы, а также методам исследования этого взаимоотношения — естественнонаучному и умозрительно-спекулятивному и посвящена книга Г. Уэллса «Павлов и Фрейд».

За рубежом в последнее десятилетие в области медицины¹, психологии, философии и других наук постоянно происходит противопоставление И. П. Павлова З. Фрейду, поскольку фрейдизм претендует на роль универсальной доктрины. Противопоставление учения И. П. Павлова фрейдизму лишний раз свидетельствует об исключительном обострении борьбы между материализмом и идеализмом, между передовым и реакционным мировоззрением, отражающим противоречие современной эпохи, — между коммунизмом и капитализмом. Столь участвившееся сопоставление И. П. Павлова и З. Фрейда указывает также на интенсивное распространение за рубежом идей И. П. Павлова о высшей нервной деятельности. Возрастающее влияние учения И. П. Павлова на передовых представителей науки капиталистических стран заставляет их приступить к пересмотру сложившихся представлений. В капиталистических странах все чаще стали появляться критиче-

¹ Противопоставление учений И. П. Павлова и З. Фрейда имело место, например, на происходившем в 1951 году в Мексике четвертом Международном конгрессе интернациональной лиги «Охрана психического здоровья», что нашло отражение в общей печати. На другой день работы конгресса, после доклада советского психиатра Н. И. Озерецкого, ряд газет вышел с крупным заголовком на первой странице — «Павлов против Фрейда». Состоявшийся в Фрайбурге в 1957 году Международный конгресс психотерапевтов был посвящен одной теме — «Фрейд и Павлов». На этом конгрессе с докладами об учении И. П. Павлова с успехом выступили и приняли активное участие в дискуссии психиатры и физиологи ГДР Метте, Мюллер-Хегеманн, Пикенгайм и венгерский психиатр Ф. А. Вельдьеши (см. «Журнал невропатологии и психиатрии имени С. С. Корсакова», 1957, № 11). В ГДР в 1958 году третьим изданием вышла книга А. Метте «Зигмунд Фрейд», посвященная критике фрейдизма и противопоставлению его материалистическому учению И. П. Павлова. Более подробные данные о борьбе фрейдистов против учения И. П. Павлова приведены во вступительном слове С. А. Саркисова, докладе Ф. В. Бассина и выступлениях на конференции Академии медицинских наук, посвященных критике учения Фрейда («Вестник Академии медицинских наук СССР», 1959, № 1; журнал «Вопросы философии», 1959, № 2). Активность фрейдистов в их борьбе против учения И. П. Павлова усилилась в связи с празднованием столетия со дня рождения Фрейда.

ские статьи о фрейдизме и работы, в которых сопоставляется учение И. П. Павлова с концепцией З. Фрейда. Двухтомная монография Г. Уэллса является капитальным исследованием в этой области. В книге Г. Уэллса «Павлов и Фрейд» проведен тщательный анализ учения И. П. Павлова и теории З. Фрейда, а также описаны условия возникновения, философские истоки, история развития и определено значение для мировой науки этих двух современных диаметрально противоположных учений о природе психического.

Гарри К. Уэллс — американский философ-марксист. Он родился и вырос в Чикаго, высшее образование получил в Гарвардском университете, по окончании которого слушал лекции в Гейдельбергском и Лондонском университетах. Во время второй мировой войны три года был в армии. В 1949 году в Колумбийском университете ему была присуждена ученая степень доктора философских наук. В этом же университете он читает в настоящее время лекции по философии. Первая его книга «Процесс и нереальность» направлена против одного из идеалистических течений — философии Уайтхеда. Вторая — «Прагматизм — философия империализма» — получила широкую известность и была переведена на многие языки мира; в СССР она была издана в 1955 году. Новой его работой является данная двухтомная монография, которая выходит на русском языке, объединенной в одном томе.

В лице Г. Уэллса научная психология нашла талантливого и активного последователя Павлова. Учение И. П. Павлова Г. Уэллс рассматривает как целостную концепцию; он излагает его последовательно и ясно с привлечением многих советских источников. Книга Г. Уэллса является одним из лучших образцов изложения павловского учения. Описывая этапы развития учения И. П. Павлова и сопоставляя все его положения с концепцией Фрейда, Г. Уэллс всесторонне обосновывает диалектико-материалистическую основу павловского учения и раскрывает субъективно-идеалистическую сущность фрейдизма.

Если во всех других областях знания природы и общества человечество далеко ушло от ранних наивно-мифологических представлений, то в области познания психического оно в конце XIX века пребывало еще почти

на прежней ступени. Душа человека оставалась таинственной и загадочной, она по-прежнему была убежищем фантазии, в ней, по убеждению некоторых психологов, происходило то, что когда-то они допускали всюду, — по-старому «мысль двигала материальные частицы»¹. Правда, все мистические представления в этой области в соответствии с требованием времени были прикрыты ученой терминологией. Наряду с предрассудками имелось уже много, хотя все еще разрозненных, научных фактов, были и гениальные догадки о материальных основах психики. Однако с ними довольно успешно соперничали мистицизм, телепатия и самый вульгарный спиритуализм.

«В течение тысячелетий, — пишет Уэллс, — человечество учили рассматривать психику, или «душу», как какой-то сверхъестественный и чудесный феномен, нуждающийся во внеприродном, вненаучном объяснении... Таинственный и мистический подход к психике глубоко затаился в каждом из нас и нелегко искореняется» (стр. 602).

Вместе с тем достигнутый к концу XIX века уровень развития общества в экономически передовых странах мира требовал более форсированного изучения психической деятельности, чему благоприятствовал прогресс естествознания и техники. Именно в это время и стали складываться новые направления в области исследования психики, например учение Торндайка, первоначально близкое к материализму, психофизическое направление Вундта, прагматическое — Джемса и др. Однако, казалось бы, ни объективный способ исследования Торндайком поведения животных, ни привлечение отдельных физиологических методик для изучения психических процессов Вундтом, ни попытки динамического понимания потока сознания и эмоций Джемса не могли пролить свет на сущность психических явлений. Неизменным оставалось положение, при котором «...неудержимый со времен Галилея ход естествознания впервые заметно приостанавливается перед высшим отделом мозга, или, общее говоря, перед органом сложнейших отношений животных к внешнему миру. И казалось, что

¹ Эбингауз, Цит. по книге Н. Ланге «Психический мир», М., 1914, стр. 78.

это — недаром, что здесь — действительно критический момент естествознания, так как мозг, который в высшей его формации — человеческого мозга — создавал и создает естествознание, сам становится объектом этого естествознания»¹.

Но И. П. Павлов преодолел этот извечный кризис естествознания. Он, создав физиологию головного мозга, вывел естествознание из тупика. Этот научный подвиг И. П. Павлова Г. Уэллс с полным основанием приравнивает к подвигу Н. Коперника и Ч. Дарвина.

И. П. Павлов открыл природу психического, он доказал его материальную обусловленность. При исследовании психических явлений он исходил из понятия рефлекса как основной формы связи организма с окружающей средой. И. П. Павлов доказал, что психическая деятельность есть вместе с тем и высшая нервная деятельность. Он достиг этого потому, что «...отбросил философские теории о душе и прямо взялся за изучение материального субстрата психических явлений — нервных процессов»².

Открытие условного рефлекса И. П. Павловым было торжеством естественнонаучного метода исследования, новым, высшим этапом развития учения Дарвина. Это открытие, содержащее естественнонаучное обоснование единства мозга, как органа психической деятельности, и мира, как ее источника, поздняло на новый уровень естественнонаучную основу диалектического материализма. Философы-материалисты, как говорит в своей книге Г. Уэллс, с древних веков утверждали первичность материи и вторичность духа, но научные доказательства этого утверждения отсутствовали (стр. 602). И. П. Павлов экспериментально, методом условных рефлексов доказал, что психическое — это отражение мозгом действительности, существующей вне и независимо от субъекта. Это была величайшая победа материализма, естественнонаучное доказательство первичности материи и вторичности духа.

Своими исследованиями И. П. Павлов установил неотделимость психических явлений от материальной высшей нервной деятельности. Все психические явления —

¹ И. П. Павлов, Полное собрание сочинений, Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, т. III, кн. 1, стр. 113.

² В. И. Ленин, Соч., т. 1, изд. 4, 1953, стр. 127.

это рефлекторная деятельность головного мозга, это аналитико-синтетическое отражение воздействия внешнего мира на мозг, воздействия, возникающего в процессе познания, деятельности человека, его практики. Все наши мысли и представления непрерывно управляются действительностью, которая и является их единственным источником.

В течение 30 лет, как пишет в своей книге Г. Уэллс, И. П. Павлов изучал высшие нервные процессы собаки для освещения психической жизни человека. Он установил преемственность высшей нервной деятельности животных и человека и одновременно открыл их исклучительное качественное различие. Мозг человека отличается от мозга животных наличием второй сигнальной системы, которая является продуктом общественного труда, новым этапом развития нервной системы. До учения И. П. Павлова о второй сигнальной системе не был известен материальный субстрат высших форм человеческого сознания. Учением о второй сигнальной системе, указывает Г. Уэллс, И. П. Павлов заполнил пробел в наших знаниях о стадии перехода от обезьяны к человеку. Ф. Энгельс в своей работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека», говоря о значении руки, что рука не только орган труда, но и продукт труда, указывал, что в отношении деятельности других органов, и в частности органов речи, многое еще остается не известно. Устранив этот пробел, И. П. Павлов доказал, что кора головного мозга с ее сигнальными системами определяет развитие сознания человека в процессе труда.

Г. Уэллс в своей книге этап за этапом прослеживает захватывающую историю открытия и изучения И. П. Павловым условного рефлекса — от первых наблюдений над психически обусловленным выделением слюны до исследования физиологических основ гипноза, первой и второй сигнальной системы, неврозов, психозов и вариантов человеческого темперамента. Читатель книги Уэллса как бы сам вместе с И. П. Павловым присутствует в его лабораториях, размышляет вместе с ним над загадками природы и раскрывает величайшие тайны материального субстрата человеческого духа.

Читателю становится ясным глубокий смысл кропотливых лабораторных исследований, с отсчитыванием

капель выделенной слюны и применением различных раздражителей, столь далеких, казалось бы, от движений человеческой души и разнообразных, таинственных своей непонятностью симптомов ее заболевания. Его поражает непреодолимость проникновения в сущность явлений природы объективных методов естественно-научного исследования, открывающих факты, превосходящие пределы человеческих мечтаний. Ему невольно хочется сказать о И. П. Павлове его же словами, сказанными им о И. М. Сеченове: «Он обладал, несомненно, чрезвычайно сильным и трезвым умом, т. е. умом, обращенным в действительность, ориентировавшимся в действительности и утвердившимся в действительности, а не обращающимся в разных словесных комбинациях»¹. Читателя покоряет непреклонная воинственность И. П. Павлова, непрерывно сражавшегося с идеалистами всех толков, его монистическое, последовательно материалистическое мировоззрение.

Создание И. П. Павловым физиологии головного мозга происходило в непрерывной борьбе с идеалистами всех направлений. И. П. Павлов на протяжении всей своей жизни был воинствующим, последовательным и убежденным материалистом. Он вел непримиримую борьбу с представителями субъективистского метода изучения психики — Лешли, Клапаредом, Куртом Левином и др. Он боролся против индетерминизма в психологии Кёлера, идеализма в физиологии Шеррингтона. Каждое выступление И. П. Павлова было направлено на обоснование и развитие материализма. Неоднократно выступал И. П. Павлов и против З. Фрейда, которого он считал не исследователем, а основателем новой религии.

Следует сказать, что всесторонняя, последовательная и уничтожающая критика любой идеалистической концепции в физиологии, психологии и психиатрии возможна лишь на основе учения И. П. Павлова как монистической, диалектико-материалистической теории. Вне позиций этого учения критический анализ идеалистических концепций неизбежно сводится к более или менее острой полемике, а чаще к критике «справа».

¹ См. «Журнал невропатологии и психиатрии имени С. С. Корсакова», 1955, № 11, стр. 802.

Так было и с теорией З. Фрейда. Она, как будет показано ниже, критиковалась некоторыми авторами и раньше. Однако подобная полемика всегда оставалась несовершенной и поэтому уязвимой. Особым достоинством книги Г. Уэллса является последовательный критический анализ концепции Фрейда с позиций учения И. П. Павлова. Это и позволило ему полностью опровергнуть все положения фрейдизма, доказать их научную несостоятельность, мифологичность и отсечентину.

Вопреки фрейдизму, утверждающему главенство инстинктов во всех психических проявлениях человека вплоть до высших (общественная деятельность, наука, искусство), И. П. Павлов на основе экспериментальных исследований доказал, что верховным регулятором всей деятельности организма, в том числе и психической, является условно-рефлекторная система, материальную основу которой представляет кора головного мозга. Условные рефлексы, возникнув на базе безусловных (иначе инстинктов, как цепных безусловных рефлексов), начинают непрерывно регулировать деятельность последних, чем и достигается наиболее совершенное приспособление организма к постоянно изменяющимся условиям внешней среды.

Далее исследования И. П. Павлова показали абсолютную зависимость инстинктов от внешнего мира, их изменчивость от условий существования. Вопреки утверждению Фрейда о вечности и неизменности инстинктов, И. П. Павлов установил, что они — одно из проявлений (правда, несовершенное) приспособления организма к конкретным условиям существования.

Вопреки научным фактам, психическую деятельность первобытного человека Фрейд ограничивал лишь инстинктами (преимущественно половым, агрессии и смерти). Напротив, учение И. П. Павлова показало, пишет Г. Уэллс, что все народы независимо от стадии исторического развития обладают наследственным аппаратом человеческой высшей нервной деятельности — двумя сигнальными системами. На протяжении миллиона лет механизмы обеих сигнальных систем стали частью физиологической структуры человека и переходили из поколения в поколение. Все народы, где бы они ни жили, независимо от характера общества, в котором

они живут, стоят прямо на обеих ногах, действуют руками, употребляют орудия и говорят, то есть одарены механизмами, которые стали частью наследственной физиологической структуры человека на протяжении сотен тысяч лет. Исторический период классового общества — рабовладельческого, феодального, капиталистического — охватывает не более десяти тысяч лет, то есть бесконечно малую часть общего периода развития человечества. Следовательно, наследственная физиологическая структура человека, включая механизмы высшей нервной деятельности, была полностью развита задолго до возникновения классового общества, а именно рабовладельческого общества. Неизбежный вывод из этого — все народы, находятся ли они на стадии первобытно-общинного строя или капиталистического, обладают полной способностью участия в самой развитой форме организации общества. Таким образом, нет врожденного различия между людьми различных рас, наций, классов, полов (стр. 124). В свое время это положение энергично защищал И. М. Сеченов.

Естественнонаучные физиологические исследования безусловной и условно-рефлекторной деятельности сигнальных систем И. П. Павлова полностью ниспровергли расистские, психоавтоматические домыслы Фрейда, его субъективно-идеалистическую концепцию о вечном наследовании в неизменном виде, подобно генам Т. Моргана, инстинктов первобытной орды. Научные факты И. П. Павлова уничтожили этот краеугольный камень фантастической концепции Фрейда.

Условный рефлекс И. П. Павлова полностью опроверг и другое главное положение фрейдизма, столь же иррациональное, как и первое. Павловское учение представляет собой естественнонаучное обоснование психических явлений как отражения реального мира, объясняет с помощью методов физиологии человеческое сознание как продукт общественной практики. Фрейдизм, напротив, утверждает, что внешний мир обнаруживается лишь в символах наших органов чувств, что в этом и заключается теологическое оправдание существования сознания. «Психический аппарат создает себе внешний мир, — писал З. Фрейд, — для того, чтобы удовлетворить постоянное инстинктивное стремление

к наслаждению»¹. Реальный мир по Фрейду — это лишь грёзы инстинктов, или, как он их называет, всемогущего «оно», господствующего над «я» и «сверх-я» (сознание).

При сопоставлении с естественнонаучными данными И. П. Павлова сокрушению подвергаются не только основные положения фрейдовской концепции, но и все ее детали, отправные посылки, а также и метод исследования. Г. Уэллс осуществляет это в своей книге с методической последовательностью.

Подробно излагая физиологические данные о механизме сна как результате торможения коры и ближайшей подкорки головного мозга, Уэллс указывает, что в свете этих научных фактов возникновение сновидений объясняется неполным торможением деятельности преимущественно первой сигнальной системы. Сновидения представляют собой хаотически возникающий рой бессвязанных образов, следов прошлых восприятий. Это научное положение показывает полную несостоятельность, фантастичность толкования сновидений Фрейдом как символической реализации инстинктивных сексуальных влечений. В свете данных о деятельности головного мозга, как остроумно замечает Г. Уэллс, каталог общечеловеческих символов сновидений Фрейда выглядит сонником XX века.

Наибольшую популярность среди широкого круга читателей приобрела монография Фрейда «Психопатология обыденной жизни». На примерах повседневной жизни, таких, как обмолвки, случайное забывание тех или иных слов, фамилий, намерений, нечаянных действий, Фрейд пытался доказать существование и господство над сознанием бессознательного, непрерывное окольное проявление его энергии. Но этот прием доказательства теряет всякое значение при сопоставлении с данными физиологии высшей нервной деятельности.

Воспроизведение запаса памяти (воспоминание), течение речи, последовательное выполнение тех или иных действий зависит от степени подвижности основных корковых процессов. Волнение, смущение, внутреннее беспокойство под влиянием тех или иных забот, усталость

¹ З. Фрейд, Основы психологической теории и психоанализ, М., 1923, стр. 84.